

Мунбин Мур

**Рецепт
идеального
бульона
из
несчастных
случаев**

18+

Мунбин Мур

**Рецепт идеального бульона
из несчастных случаев**

«Автор»

2026

Мур М.

Рецепт идеального бульона из несчастных случаев / М. Мур —
«Автор», 2026

Что, если самый изысканный бульон требует не только мяса и корней, но и человеческого страха? Петербург, где туман пахнет историей и свежей кровью. Серия изощренных убийств, каждое из которых оформлено как кулинарный рецепт из позапрошлого века. Следователь Алексей Гордеев, чья карьера висит на волоске, и историк-архивист Вера Строганова, способная прочитать тайный смысл в выцветших чернилах, вынуждены объединиться. Их расследование ведет в подвалы императорских кухонь, в проклятые архивы и в темные глубины человеческой души. Убийца не просто лишает жизни — он проводит жуткий ритуал «осветления», снимая с истории «пенки» в виде тех, кто знает слишком много. Чтобы остановить повара-философа, Гордеев и Вера должны сами погрузиться в кипящий котел прошлого, где правда густеет, как бульон, а каждый следующий шаг может сделать тебя не охотником, а новым ингредиентом в безумном рецепте.

© Мур М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Бульон, который застыл в жилах	5
Глава 2: Основа, или Пенки с прошлого	9
Глава 3: Пенки и память	13
Глава 4: Старый навар	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мунбин Мур

Рецепт идеального бульона из несчастных случаев

Глава 1: Бульон, который застыл в жилах

Дождь в Петербурге в тот вечер был особенным. Он не падал, а висел в воздухе – холодная, пронизывающая взвесь, стиравшая границы между небом и мостовой, между прошлым и настоящим, между несчастным случаем и тщательно продуманным убийством. Именно в такую погоду, когда город превращался в размытую акварель скорби, и произошло первое.

Камердинер обнаружил его в шесть утра, когда по привычке, отточенной двадцатью годами службы, зашел в кабинет с серебряным подносом, на котором дымился свежесваренный пуэр. Аромат дорогого чая, терпкий и земляной, смешался в воздухе с другим, куда менее приятным запахом – сладковатым, тяжелым, запахом сырого мяса и чего-то химического, кислого. Поднос с грохотом обрушился на персидский ковер ручной работы, разнося по нему бурые пятна. Пуэр впитался в шерсть, став цветом запекшейся крови.

Борис Валерьянович Репнин, известный ресторатор, коллекционер редких вин и по совместительству владелец половины доходных домов на Петроградской стороне, сидел за своим массивным дубовым столом. Сидел неестественно прямо, будто на параде, его тучное тело было лишено привычной расслабленности. Руки с короткими, холеными пальцами лежали на столешнице ладонями вниз, пальцы слегка растопырены, как будто он замер, дирижируя незримым оркестром. Но главное было не в позе. Главным был взгляд. Его широко открытые, вытаращенные глаза цвета мутного янтаря смотрели не на дверь, не на окно, за которым клубился туман, а прямо в большую, роскошно изданную поваренную книгу XIX века, раскрытую перед ним. Страницы книги были забрызганы темной, почти черной жидкостью.

Именно это обстоятельство – не сломанная шея, не следы яда на губах, а этот пристальный, почти изучающий взгляд в книгу – заставило дежурного следователя прокуратуры Петроградского района, прибывшего на место через час, немедленно вызвать особый отдел.

В половине восьмого утра к особняку на Малой Морской, уже оцепленному нарядами полиции, подкатил неказистый автомобиль «Лада» цвета мокрого асфальта. Из него вышел человек лет сорока пяти, в длинном, потертом на локтях плаще, с лицом, на котором бессонные ночи и постоянное напряжение выгравировали глубокие морщины вокруг глаз и рта. Его звали Алексей Гордеев, майор юстиции, следователь по особо важным делам с репутацией упрямца и чудака. Он не любил громких дел, публичности и начальственных похвал. Он любил тишину, запутанные узлы, которые другие считали безнадежными, и ту странную, почти мистическую логику, которой иногда следуют самые страшные преступления.

Гордеев не спеша надел бахилы и перчатки, кивнул знакомому оперу, переступил порог и остановился, вдыхая воздух. Его нос, чувствительный, как у старого гончака, уловил ту самую

смесь: дорогая мебель, воск для паркета, запах старого богатства – и поверх, как гнилой аккорд, эта нота сырого мяса, железа и... да, несомненно, уксуса. Или чего-то вроде.

– Гордеев, – бросил он, подходя к молодому криминалисту в белом комбинезоне, склонившемуся над столом. – Что имеем?

Криминалист, Артем, поднял голову. Его глаза за большими очками были усталыми, но живыми, заинтересованными.

– Алексей Викторович. С виду – классика. Инфаркт или инсульт у богатого, немолодого мужчины за рабочим столом. Если бы не две детали.

Гордеев молча ждал, его взгляд скользнул по неподвижной фигуре Репнина, задержался на его глазах, застывших в последнем, невероятном удивлении или ужасе.

– Первое, – Артем указал пером на шею покойного, где под складкой кожи виднелся странный, тонкий, как леска, красноватый след, почти синяк, но слишком ровный. – Признаков активной борьбы, захвата нет. Этот след... он похож на отпечаток очень тонкого шнура или проволоки. Но не на шее сзади, а спереди, под подбородком и по бокам. Как будто что-то... поддерживало голову в таком положении.

– Поддерживало? – переспросил Гордеев, медленно приближаясь.

– Второе, – Артем перевел свет настольной лампы на раскрытую книгу. – Это «Подарок молодым хозяйкам» Елены Молоховец. Издание 1901 года. Открыта на странице двести двенадцатой.

Гордеев наклонился. Убористый дореволюционный шрифт. Заголовок: «**Бульон из курицы, телятины и дичи прозрачный, или консоме. Рецепт № 387.**»

Текст был залит темной субстанцией. Но не вся страница. Аккуратно, будто рукой искусного повара, жидкость покрыла лишь сам рецепт, список ингредиентов и инструкцию. Заголовок и поля остались чистыми. Гордеев придвинулся еще ближе. Запах усилился. Это была не кровь. По крайней мере, не чистая кровь.

– Предварительный химический тест показал наличие белков, жиров, продуктов распада мышечной ткани, – тихо сказал Артем. – И уксусной кислоты. Это бульон, Алексей Викторович. Крепкий, наваристый, остуженный мясной бульон. Судя по концентрации, его варили долго, часов десять-двенадцать. Им... его забрызгали книгу.

Гордеев выпрямился. В комнате повисла тишина, нарушаемая только щелчками фотокамер и приглушенными разговорами за дверью. Он посмотрел на Репнина. На его застывшее лицо. На странную позу. На книгу, залитую бульоном, в которую тот смотрел, будто читая заветную истину.

– Он не упал, – тихо проговорил Гордеев. – Его усадили. Ему подперли голову. И заставили смотреть на этот рецепт. А потом... полили рецепт бульоном. Почему?

– Ритуал? Насмешка? – предположил Артем.

– Слишком... предметно, – пробормотал Гордеев, медленно обходя кабинет. Его взгляд упал на камин, где тлели последние угольки. – Топили?

– Камердинер говорит, что барин любил по вечерам работать при огне. Заказал растопить в десять.

Гордеев подошел к камину, взял щипцы и аккуратно разгреб пепел. Среди серой массы что-то блеснуло черным и обугленным. Он подцепил и вытащил на кафельную плитку перед камином обгоревший, но еще узнаваемый предмет. Это была книга. Точнее, то, что от нее осталось. Кожаный переплет почернел и сморщился, несколько страниц уцелели лишь частично, их края были обуглены, но текст в центре еще читался.

Гордеев надел лупу. Уцелевший фрагмент был не из поваренной книги. Это была старая, дореволюционная тетрадь в кожаном переплете, разлинованная от руки. Почерк был мелким, аккуратным, женским. Он различал слова: «...прибавить коренья, но лук необходимо испечь до углей, ибо он дает горечь... холодную воду... не допускать сильного кипения, только движение, подобное вздоху... снимать пену, пену, всю пену, это ключевое... осветлить тягучей...»

Дальше текст обрывался, сгоревший. Но внизу страницы, в углу, стояла дата: «Октябрь 1916 года». И подпись, выведенная с завитками: «А. З.».

– Второй рецепт, – прошептал Артем, выглянув у Гордеева из-за плеча.

Гордеев не ответил. Он смотрел на обгоревшую тетрадь, потом на роскошную книгу Молоховец на столе, потом на мертвого Репнина. В его голове, привыкшей складывать разрозненные пазлы, щелкнула первая, едва уловимая связь. Это не было убийство в порыве страсти. Это не была даже банальная расправа. Это было послание. Составленное из старых книг, бульона и смерти. Послание, адресованное не им, следователям. А кому-то еще. Им предстояло его прочесть, чтобы понять, кому оно предназначено. И что автор этого леденящего душу кулинарного шифра готовит на следующее блюдо.

– Осмотрели весь дом? – спросил Гордеев, не отрывая глаз от тетради.

– Только этот кабинет и спальню. Работаем.

– Ищите все, что связано с кулинарией. Старые книги, записи, письма. Особенно дореволюционные. И проверьте, не вел ли Репнин сам каких-нибудь записей, дневников.

Артем кивнул и удалился.

Гордеев подошел к окну. За мутным стеклом Петербург медленно просыпался в сером, безрадостном свете. Город, построенный на костях, на болотах, пропитанный вековой сыростью, казалось, вздохнул в такт этой странной, зловещей истории. «Бульон из несчастных случаев», – пронеслось в голове у Гордеева бессвязной мыслью. Фраза зацепилась, как крючок. Он отвернулся от окна. Его взгляд снова упал на Репнина. На его лицо, застывшее в вечном удивлении перед рецептом, ставшим его эпитафией.

Он понимал, что это только начало. Начало чего-то очень холодного, очень методичного и очень, очень личного. Кто-то только что подал первое блюдо. И аппетит у этого повара, судя по всему, был волчий.

Внизу, у подъезда, собрались первые журналисты. Вспышки камер помигивали в тумане, как глаза голодных зверей. Гордеев нахмурился. Слишком скоро. Слишком громко. Как будто кто-то уже разослал приглашения на этот мрачный пир.

Он достал телефон, набрал номер своего начальника.

– Иван Петрович. Дело Репнина. Берите его под особый контроль. И готовьтесь. Это не одно. Это – серия. Первая тарелка уже пуста.

Он положил трубку, не слушая ответа. В камине с тихим шелестом обрушился уголек, рассыпавшись снопом искр. Они погасли, не долетев до ковра. Как короткие, яркие жизни. Как надежды на то, что это всего лишь несчастный случай.

Алексей Гордеев знал – несчастных случаев не бывает. Бывают лишь тщательно приготовленные трагедии. И рецепт самой первой из них только что начал проявляться перед ним, строчка за строчкой, капля за каплей холодного, жирного бульона.

Глава 2: Основа, или Пенки с прошлого

Кабинет Гордеева в здании на Литейном, 4, напоминал не рабочее место следователя, а лавку букиниста после землетрясения. Книги, папки, фотографии покрывали каждый горизонтальный сантиметр, включая подоконник и два вспомогательных стула. В центре этого хаоса, подобно скале в бурном море, возвышался лишь его собственный стол, заваленный, впрочем, не меньше. Здесь, в облаке табачного дыма от бесконечных «Беломорок» (электронные сигареты он презирал всей душой), Алексей Викторович выстраивал свою версию реальности.

Сейчас на столе лежали увеличенные фотографии кабинета Репнина, химический анализ бурой жидкости, предварительное заключение патологоанатома и, отдельно, снимки обгоревшей тетради. Рядом – опись имущества, изъятого из особняка. Гордеев медленно перебирал факты, будто невкусные косточки.

Смерть наступила от остановки сердца, спровоцированной острым выбросом адреналина и внезапным спазмом коронарных артерий. Яды не обнаружены. Тот самый тонкий след под подбородком – от гибкой, покрытой силиконом проволоки, подобной той, что используют флористы или кукловоды. Она могла быть закреплена на спинке кресла или на специальной конструкции, удерживающей голову в нужном положении. Ни отпечатков, ни волокон, кроме микроскопических следов того же силикона на коже Репнина, не нашли. Профессионально.

В доме была сигнализация, но отключена изнутри. Видеокамеры только на входе и по периметру – они зафиксировали, как Репнин вернулся один в десять вечера, и больше никого. Все входы и выходы чисты. Значит, убийца был внутри. Или вошел гораздо раньше и затаился. Камердинер и прислуга имели алиби – коллективный просмотр сериала в жилом флигеле. Их проверяли, но Гордеев чувствовал: это не их уровень.

Он потянулся к фотографиям обгоревшей тетради. Уцелевший фрагмент рецепта он уже знал почти наизусть. Но что важнее – химики нашли на нескольких обугленных страницах следы, отличные от бумаги и кожи. Органические остатки. Предварительно – высушенные и измельченные корни, возможно, петрушки или пастернака, и частички какого-то хитина, похожего на фрагменты панциря ракообразных. Бульон в книге Молоховец был сложным: курица, телятина, дичь. А здесь, в тетради, – другой набор. Старый, возможно, забытый рецепт.

Звонок внутреннего телефона вырвал его из раздумий.

– Алексей Викторович, к вам девушка. Отказывается говорить с кем-либо, кроме вас. Говорит, дело касается «бульона Репнина». Документы проверили – вроде чисто.

– Пусть поднимается, – буркнул Гордеев, гася о пепельницу окурочек.

Через пять минут в кабинет вошла молодая женщина. Лет тридцати, строгая, в темно-синем практичном пальто, без косметики. Волосы, цвета спелой ржи, были собраны в тугий узел. Она несла старомодный, потертый кожаный портфель. Взгляд у нее был прямой, оценивающий, без тени подобострастия или страха перед казенным помещением.

– Майор Гордеев? Меня зовут Вера Строганова. Я – историк кулинарии. Работаю в библиотеке Академии наук, занимаюсь систематизацией личных архивов, связанных с гастрономией.

– Садитесь, – кивнул Гордеев на единственный свободный стул, заваленный папками. Она, не смутившись, аккуратно сняла их и поставила на пол, после чего села, выпрямив спину.

– Вы говорили про бульон Репнина.

– Говорила. Я читала утренние новости. Очень скупо и очень глупо. Но для тех, кто разбирается в теме, детали просочились. «Старая поваренная книга, забрызганная жидкостью». В моих кругах уже шепчутся. А когда я увидела фамилию жертвы... я поняла, что должна прийти.

– Почему? – Гордеев прищурился.

– Потому что Борис Валерьянович Репнин три недели назад обращался ко мне. Через знакомых. Он искал специалиста, который мог бы атрибутировать и перевести старую кулинарную тетрадь. На французском и старом русском. С примесью профессионального жаргона поваров XIX века. Он сказал, что тетрадь досталась ему от прадеда, который был поставщиком императорского двора. И что в ней, цитата, «заключен ключ к одному великому открытию». Он был взволнован.

Гордеев медленно откинулся на спинку кресла. В тишине кабинета было слышно, как за окном воет ветер.

– Описание тетради?

– Тонкий кожаный переплет темно-бордового, почти черного цвета. Уголки из латуни. Бумага верже, с водяными знаками. На обороте обложки – экслибрис: стилизованная буква «З» в венке из лавровых листьев и... кухонных ножей. Примерно 1880-е годы. Именно такую тетрадь он мне описывал.

– «А. З.», – тихо произнес Гордеев, глядя на фотографию обгоревшего листа.

– Вы нашли её, – не спросила, а констатировала Вера. Её лицо побледнело. – Она уцелела?

– Частично. Она была брошена в камин. Мы извлекли фрагменты.

– В камин... – она проговорила это с такой genuine болью, как будто речь шла о сожжении живого человека. – Это варварство. Это уникальный документ! Он говорил, там могут быть рецепты, утраченные со времен блокады, даже со времен царских...

– Вера... – перебил Гордеев.

– Строганова.

– Вера Строганова. Зачем вы пришли именно ко мне? И именно сейчас?

Она на мгновение опустила глаза, потом снова взглянула на него. Взгляд стал жестче.

– Потому что Репнин боялся. Когда мы договорились о встрече, он перенес ее дважды. А в последний наш разговор по телефону, за три дня до... до того, что случилось, он говорил шепотом. Сказал, что, возможно, тетрадь – не просто исторический документ. Что за ней могут охотиться. Спросил, знаю ли я что-нибудь о «бульоне по-петербургски». Я ответила, что нет. Это показалось мне странным словосочетанием. В профессиональной литературе такого нет. Он сказал: «Ну и слава Богу». И бросил трубку. Больше я его не слышала.

Гордеев встал, подошел к окну. Серая мгла стучалась, превращаясь в ранние сумерки.

– «Бульон по-петербургски»... – повторил он. – А что для вас, как для историка, значит сам бульон? Не как блюдо, а как... явление.

Вера задумалась, ее профессиональная одержимость на мгновение поборола напряжение.

– Бульон – это основа. Фундамент. В старину говорили: хороший повар начинается с умения сварить прозрачный бульон. Это алхимия. Вы превращаете грубое мясо, кости, воду –

в эликсир. Вы вытягиваете из сырья всю суть, всю силу. Но в этом процессе есть и... тёмная сторона.

– Какая? – обернулся Гордеев.

– Чтобы бульон был чистым, прозрачным, идеальным – нужно тщательно снимать пену. Пена – это кровь, грязь, примеси, частички плоти, которые всплывают при кипении. Их удаляют. Безжалостно. Иначе бульон будет мутным, неполноценным. В старинных руководствах этому уделяют особое внимание: «снимать пену без сожаления». Это акт очищения через отвержение. Через устранение «несчастных случаев» кипения, всего лишнего, что портит идеальную основу.

В кабинете стало тихо. Слова Веры повисли в воздухе, странным и зловещим образом переплетаясь с делом.

– Можете ли вы, – медленно начал Гордеев, – по уцелевшим фрагментам понять, что это за рецепт был в тетради? И есть ли связь с рецептом из книги Молоховец, которую он читал?

– Могу попробовать. Мне нужен доступ.

– Вы его получите. Но под контролем. И Вера Строганова... – он подошел к столу и пристально посмотрел на нее. – То, что вы мне рассказали, делает вас потенциальной мишенью. Вы это понимаете?

Она кивнула, не дрогнув.

– Понимаю. Но если кто-то убивает из-за старых рецептов, то это не просто маньяк. Это... ценитель. Очень опасный ценитель. И его нужно остановить, пока он не сварил что-нибудь еще.

В этот момент зазвонил мобильный телефон Гордеева. Незнакомый номер.

– Гордеев.

В трубке послышалось ровное, механическое, очевидно искаженное голосовое сообщение:

– *Первая основа заложена. Пена снята. Вторая требует более тщательной подготовки. Мясо должно быть выдержанным. Следите за временем. Кипение – процесс необратимый.* Сообщение оборвалось. Гордеев нажал кнопку обратного вызова. Абонент недоступен.

Он посмотрел на Веру. Она, судя по его лицу, всё поняла.

– Он уже готовит следующее, – сказала она без тени вопроса.

– Да, – отозвался Гордеев. – И нам нужно понять рецепт раньше, чем он подаст это на стол. Сейчас поедem в морг.

Она побледнела, но вновь кивнула.

– Зачем?

– Вы сказали – нужно снимать пену. Пену с прошлого. Нам нужно увидеть всё, что наш убийца считает «пенной». И Репнин был лишь первым снятым комком. Должны быть другие. Более старые.

По дороге в институт судебной медицины, в клубящемся вечернем тумане, Гордеев давал указания по рации. Проверить все старые, нераскрытые дела со странными, ритуальными деталями, связанными с едой, кухней, книгами. Особенно из прошлого века. Найти всё, что связано с семьей Репнина, с поставщиками двора. И, главное, выяснить, кто еще из коллекционеров, гастрономов, историков мог интересоваться той самой тетрадью с экслибрисом «А.З.».

В холодном, пропахшем формалином зале морга им показали тело Репнина. Гордеев смотрел на это тучное, безжизненное тело, ставшее объектом чьего-то изощренного, театрального замысла. Вера стояла рядом, стиснув зубы, но не отводя глаз. Её профессиональный интерес был сильнее ужаса.

– Смотрите, – вдруг сказала она, указывая на внутреннюю сторону левой руки покойного, чуть выше запястья. Там, среди седых волос, виднелся едва различимый старый шрам. Не ровный, а как будто состоящий из нескольких коротких насечек. – Это не случайный порез. Это похоже на метку. Тавро.

Фотограф сделал снимки с увеличением. При детальном рассмотрении шрам действительно напоминал грубый, кустарно выполненный знак. Не букву, а скорее символ: что-то вроде перевернутой «капли» с чертой посередине.

– Знакомое что-то, – пробормотал Гордеев. – Но где я это видел...

Его телефон завибрировал. Звонил Артем, криминалист.

– Алексей Викторович, вы были правы. Копаем в прошлое. Нашли одно дело. 1991 год. Ленинград. В заброшенном здании бывших дворцовых кухонь в Царском Селе нашли тело мужчины. Пожилого. Без документов. Официально – бомж, замерз. Но в протоколе осмотра есть странная деталь: рядом с телом, на развалившейся плите, стояла жестяная кружка. В ней – замерзший, желеобразный бульон. А в руке покойного была зажата страница, вырванная из старой книги. Тогда на это не обратили внимания, дело закрыли. Сохранилась только фотография той страницы. Я вам отправляю.

Через минуту на телефон Гордеева пришло сообщение. Черно-белый, нечеткий снимок. Смятый, пожелтевший лист. Виден заголовок: «**Суп-пюре из дичи по-царскосельски**». И на полях, чернилами, чья-то старая, выцветшая пометка: «**Для очищения основы требуется третья пенка. А.З.**»

Гордеев показал снимок Вере. Она взгляделась и резко выдохнула.

– «А.З.»... Та же подпись. И «третья пенка»... Это из профессионального сленга. Значит, было как минимум две до этого. Две других «пенки». И этот старик в Царском Селе был... третьим.

Гордеев ощутил леденящий холод у основания позвоночника. Убийца не начал с Репнина. Он продолжил. И промежуток... тридцать лет. Что происходило все эти годы? И почему сейчас всё началось снова, с такой театральной, демонстративной жестокостью?

Он посмотрел на Веру Строганову, чье лицо в мертвенной синеве неоновых ламп морга казалось лицом призрака из того самого прошлого, которое они пытались распутать.

– Вам нужно найти всё, что связано с этим «А.З.». Всё. Кто это был. Чем занимался. И почему кто-то решил продолжить его... кулинарные эксперименты с человеческими жизнями.

По дороге назад, в машине, они молчали. Город за окном, в своем вечном тумане, казался гигантским, черным бульоном, в котором медленно, неотвратимо варились чьи-то тайны, грехи и страхи. А где-то в этой тьме уже зажглась новая конфорка. И на ней аккуратно, со знанием дела, готовилась вторая порция. Вторая «пенка» в рецепте идеального, прозрачного бульона из несчастных случаев.

Глава 3: Пенки и память

Архив Уголовного розыска на Шпалерной, 25, хранил в своих недрах не только пыль и забытые папки, но и сам воздух другой эпохи – густой, спертый, пахнувший старым картоном, клеем и несбывшимися надеждами. Гордеев, привыкший к этому запаху, сегодня ощущал его острее. Каждая частица пыли, взметнувшаяся при открытии картонной коробки с номером дела 1991-го года, казалась, несла в себе ледяное дыхание прошлого.

Рядом, в полумраке подвального хранилища, стояла Вера Строганова. Она смотрела на гору подобных коробок, на бесконечные стеллажи, уходящие в темноту, и ее обычно собранное лицо выражало почтительный ужас. Это был не её мир. Её мир состоял из аккуратных каталогов, инкунабул и тишины читальных залов. Здесь же царил хаос нераскрытых историй, застывший крик, упакованный в папки.

– Вот оно, – хрипло проговорил Гордеев, доставая тонкую папку. Дело было действительно пустяковым по меркам лихого девяносто первого: неопознанный бродяга, смерть от переохлаждения. На пяти листах.

На столе, под лампой с зеленым абажуром, они разложили всё, что было. Несколько фотографий плохого качества: заснеженные руины кирпичного здания с пустыми глазницами окон; тело старика в лохмотьях на бетонном полу; жестяная кружка; листок в окоченевшей руке. К фотографии листка была приколата бумажная копия, сделанная когда-то для отчетности. Тот самый рецепт супа-пюре и пометка: «Для очищения основы требуется третья пенка. А.З.»

– Смотрите, – Вера осторожно, кончиком карандаша, указала на угол фотографии, где был виден фрагмент стены. – Это не просто руины. Это печь. Очень большая печь. Видите эти изразцы? Это дворцовая кухня. Вероятно, та самая, в Александровском парке. Она была построена при Николае I и считалась чудом инженерной мысли.

Гордеев внимательно изучил снимок.

– Значит, место выбрано не случайно. Как и у Репнина – камин, огонь, кухонная эстетика. Ритуал. А тело? Что в протоколе?

– Мужчина, примерно семьдесят лет, – монотонно читал Гордеев выцветшую машинопись. – Признаков насильственной смерти не обнаружено. Одежда бедная, но чистая. На теле... – он замолчал, прищурился.

– Что?

– На теле, на внутренней стороне левого предплечья, обнаружен старый рубцовый знак. Форма не установлена ввиду плохой сохранности кожи. Фотография... не делалась. При осмотре сочли несущественным.

– Такой же, как у Репнина? – тихо спросила Вера.

– Очень похоже. И возраст совпадает. Если тогда ему было за семьдесят, а сейчас Репнину – шестьдесят пять... Они могли быть ровесниками. Или из одного круга.

Гордеев откинулся на спинку стула, которая жалобно заскрипела.

– Третья пенка. Значит, первая и вторая были раньше. Нам нужно найти их. И нужно понять, кто такой А.З.

– Я уже начала поиски, – сказала Вера, открывая свой потрепанный портфель. Она достала блокнот с плотной бумагой. – Экслибрис с буквой «З» в венке из ножей. Это очень специфический знак. Он указывает не просто на библиофила, а именно на повара, шеф-повара высокой кухни. Возможно, метрдотеля. В конце XIX века такая символика могла принадлежать только очень уверенному в себе мастеру, возможно, имевшему придворное звание. «А» – вероятно, имя. Аристарх? Алексей? Андрей? В Петербурге того времени было несколько известных династий поваров: Захаровы, Зотовы, но «А»... – она задумалась. – Есть один архивный фонд в Российской национальной библиотеке. Личные бумаги поваров и поставщиков двора. Я подала запрос, но это может занять дни. А у нас, кажется, их нет.

– У нас нет и часов, – мрачно согласился Гордеев. Его телефон, лежавший на столе, завибрировал. Новое сообщение. С неизвестного номера. На этот раз не звонок, а ММС. Он открыл его.

На экране была фотография. Современная, четкая. Снято в полумраке. На первом плане – старая, потертая кухонная книга в тканевом переплете. Она была раскрыта. Левая страница – рецепт «Похлебки боярской с грибами и перловкой». Правая страница – чистая, но на нее было поставлено что-то круглое, темное. Гордеев увеличил изображение. Его пальцы похолодели. Это была не печать. Это была кнопка. Старая, советская, деревянная, с облупившейся краской, от пишущей машинки. А на кнопке, тонкой кистью, было выведено: «Вторая пенка». Фон был размыт, но угадывались полки, множество старых книг.

– Он шлет нам меню, – прошептал Гордеев, показывая фото Вере. – Вторая пенка. Готовится к подаче. Или уже подана.

– Это же... это библиотека, – ахнула Вера, взглядевшись в размытый фон. – Частное собрание. Видите эти переплеты? Это не букинистический магазин. Это чья-то личная коллекция. И судя по книгам – опять кулинарная.

Гордеев уже набирал номер Артема.

– Артем, срочно. Нужно найти в городе частные коллекции старых кулинарных книг. Особенно с доступом. Библиотеки, архивы. Ищи все, что связано с гастрономией. Отправлю фото, там есть детали – может, опознаете.

– Понял, – коротко ответил криминалист. – И, Алексей Викторович, по запросу о «пенках»... Компьютер выдал одно совпадение. 1978 год. Ленинград. В канализационном коллекторе на Васильевском острове найдено тело мужчины. Прописка московская. Официально – несчастный случай, упал, ударился. Но в кармане его пальто был найден... сверток с сухими грибами белыми и лавровым листом. И записка, написанная от руки. Фраза: «Вторая пенка снята. Жир еще дает муть». Записка не сохранилась, данные со слов оперативника, в деле не фигурирует, но попала в служебную памятку как странный эпизод. Тело опознано, родственники забрали. Фамилия... Секунов. Виктор Секунов.

Гордеев записал фамилию. 1978. Вторая пенка. И сейчас, спустя десятилетия, кто-то вновь говорит о «второй пенке». Как эхо.

– Ищи всё, что связано с этим Секуновым. И срочно выясняй, жив ли он, где.

Он положил трубку и посмотрел на Веру.

– 1978, 1991, сейчас. Интервалы. Тринадцать лет, затем тридцать. А теперь – сразу, театрально, с посланиями. Что-то изменилось. Что-то спровоцировало новую варку.

– Может, нашли новую тетрадь? Или новый источник? – предположила Вера. – Репнин что-то искал. И нашел. И за это поплатился. А убийца... он не просто мстит. Он следует рецепту. Буквально. Снимает пенки – устраняет людей, которые, видимо, в его понимании, «портят бульон». Кто они? И какой такой «бульон» они портят?

Внезапно в голове у Гордеева щелкнуло. Он снова взглянул на фотографию из архива – на старика в царскосельской кухне. Затем на запись в своем блокноте: «Виктор Секунов». И на запись о Репнине. Все они были мужчинами пожилыми или средних лет, связанными с прошлым. Что, если...

– А что, если «бульон» – это не метафора? Что, если это конкретное дело? Конкретное преступление, тайна, которую они все вместе хранили? А «пенки» – это те, кто знал тайну и был... удален, чтобы бульон остался чистым, прозрачным, чтобы тайна не всплыла.

– Преступление, которое варилось десятилетиями, – медленно проговорила Вера. – И повар... этот А.З. или его последователь... все эти годы снимал пенку за пенкой, чтобы отвар оставался ясным. Но сейчас что-то пошло не так. Кто-то начал копать. Репнин начал копать. И повару пришлось действовать быстрее, театральнее, чтобы запугать остальных или... чтобы завершить процесс.

Звонок телефона снова разрезал тишину. На этот раз звонил начальник Гордеева, Иван Петрович. Голос его был жестким, без обычной отеческой интонации.

– Алексей, где ты?

– В архиве. Есть нити.

– Забрось свои нити. Тебя срочно вызывают на Моховую, 15. Третий этаж. Там находится «Кабинет собирателя» – частная библиотека некоего Леонида Ильича Филимонова. Только что обнаружен хозяин. Сидит за столом. В позе, очень напоминающей ту, что была у Репнина. И перед ним тоже книга. Ты понял?

– Понял, – Гордеев уже вскакивал, жестом приказывая Вере следовать за ним. – Я в пути.

– И, Алексей... – в голосе начальника прозвучала нехарактерная неуверенность. – Там кое-что еще. На стене. Кровью или чем-то похожим. Написано. Приезжай, сам увидишь.

Дорога до Моховой заняла пятнадцать минут на мигающем служебном автомобиле. Гордеев нарушал все правила, резал встречные потоки. Вера молчала, вцепившись в поручень, ее лицо было каменным. Улицы, проплывавшие за окном, казались ей теперь декорациями к бесконечному, мрачному спектаклю, режиссер которого был одержим кулинарными кошмарами.

Особняк на Моховой, 15, был старинным, доходным домом, тщательно отреставрированным. Вход в «Кабинет собирателя» – отдельная дверь с домофоном, сейчас распахнутая настежь. На площадке третьего этажа уже толпились оперативники в синих куртках. Лица у всех напряженные, бледные.

Артем встретил их прямо у дверей. Его обычно спокойные глаза были расширены.

– Алексей Викторович. Похоже, но... хуже. Намного хуже.

Кабинет представлял собой одну большую комнату, заставленную дубовыми стеллажами до потолка. Тысячи книг. Воздух был пропитан запахом кожи, старой бумаги и... снова этого сладковатого, мясного запаха. В центре комнаты, под массивной бронзовой люстрой, стоял такой же массивный письменный стол. За ним, в кожаном кресле, сидел пожилой, очень худой мужчина в изящном домашнем халате. Его седая голова была откинута на специальную подушечку-подголовник, прикрепленную к спинке кресла. Глаза были закрыты, а не открыты, как у Репнина. Выражение лица – почти мирное. Если бы не тонкая, как паутина, проволока, блестящая на его шее, удерживающая голову в строго заданном положении, можно было бы подумать, что он уснул.

Перед ним лежала раскрытая книга. Не поваренная. Это был старый, дореволюционный журнал «Нива» за 1910 год. Раскрыт он был на рекламной странице. На пожелтевшей бумаге красовалась литография: натюрморт с окороком, рыбой и бутылками вина. И посередине, густым, темно-бурым, уже подсохшим составом, была выведена надпись, повторяющая рекламный слоган, но с изменением: «**Поставщик Двора Его Императорского Величества. Только чистейшие продукты. Только снятая пенка.**»

Но это было еще не все. Гордеев, заставив себя оторвать взгляд от жуткой сцены за столом, обвел глазами стены. И увидел.

На светло-бежевых обоях, прямо за креслом убитого, на стене была сделана надпись. Широкой кистью, темно-красной, почти коричневой жидкостью. Буквы были крупные, размашистые, театральные:

****«ОСНОВА ГОТОВА. ПРОЦЕДУРА ОСВЕЩЕНИЯ НАЧАТА. А.З. ВЕЛИТ СНИМАТЬ БЕЗ СОЖАЛЕНИЯ.»****

Вера, стоявшая за спиной Гордеева, издала сдавленный звук. Она смотрела не на надпись, а на полку прямо напротив стола. Там, среди прочих книг, стоял ряд старинных кулинарных изданий в одинаковых переплетах. И на корешке одной из них она увидела знакомый знак. Стилизованную «З» в венке из ножей.

– Алексей Викторович, – прошептала она. – Смотрите. Это его библиотека. Филимонов коллекционировал именно это. И убийца пришел сюда не просто убить. Он пришел... домой. К источникам.

Гордеев подошел к полке. Аккуратно, в перчатках, вынул ту самую книгу. «Практические основы кулинарного искусства», 1895 год. На форзаце – тот самый экслибрис. И под ним, уже современной шариковой ручкой, аккуратная запись: «Из собрания Л.И. Филимонова. Приобр. у наследников Зимина, 2003».

– Зимин... – протянул Гордеев. – Фамилия на «З». Наследники.

– «А.З.» мог быть Зиминим, – быстро сказала Вера. – Александр? Аполлон? Аристарх Зимин. Нужно срочно искать!

В этот момент в кабинет вошел участковый с мобильным телефоном в руке.

– Товарищ майор, вас к телефону. Звонит женщина. Говорит, она жена хозяина, она в Париже. Связалась, потому что соседка сообщила о полиции. Она в панике.

Гордеев взял трубку.

– Аллю? С вами говорит майор Гордеев. Соболезную. Ваш муж...

– Леонид? Что с Леонидом?! – в трубке послышался истеричный, сорванный женский голос.

– Он мертв. Убит. Когда вы последний раз с ним говорили?

– Вчера... вечером. Он был взволнован. Говорил, что к нему приходил молодой человек, интересовался старыми книгами. Очень вежливый, знающий. Они беседовали долго. Леонид потом сказал, что это был... «посланник из прошлого». Что он принес весть от «А.З.».

– От кого? – переспросил Гордеев, поймав взгляд Веры.

– Он не сказал. Просто «А.З.» Он говорил, что это великая честь, что его коллекция важна для... для завершения великого труда. Он был счастлив, как ребенок. Я подумала – чудак нашелся, ну и ладно. А сегодня... сегодня...

Женщина разрыдалась.

– Он ничего не говорил про пенки? Про бульон? – жестко спросил Гордеев.

– Бульон? Нет... Но он сказал одну странную фразу. Сказал: «Наконец-то прояснят тот старый навар». Я не поняла. Что случилось? Кто это сделал?!

– Мы выясним. Вам нужно срочно вернуться.

Гордеев положил трубку. «Прояснят старый навар». Осветление бульона. Процедура осветления.

Он посмотрел на мирное лицо убитого Филимонова, на проволоку, на зловещую надпись на стене. Убийца не просто устранял «пенки». Он проводил их через некий обряд. Усаживал в кресло, давал в руки или раскрывал перед глазами что-то значимое, связанное с тайной, и... совершал действие. С Репниным – залил бульоном рецепт. Здесь – написал на рекламе. Это была демонстрация. Показательное «осветление».

– Он считает себя не убийцей, а поваром, – тихо сказала Вера, глядя в ту же точку. – Санитаром. Чистильщиком. Он удаляет примеси из некоего исторического «бульона». И он хочет, чтобы это видели. Чтобы оценили его труд. Он оставляет автограф. «А.З. велит».

– Значит, А.З. – не он, – заключил Гордеев. – А.З. – это авторитет. Учитель. Может, реальный исторический персонаж, а может – образ. А наш повар – ученик. Фанатичный последователь. Он выполняет завет. И сейчас, судя по всему, он подошел к финальной стадии. «Основа готова». Что бы это ни значило.

Он подошел к окну. На улице совсем стемнело. Огни фонарей тонули в поднявшемся с Невы тумане, превращая город в гигантскую, дымящуюся чашу. Где-то в этой чаше, среди древних камней и современных стекол, медленно, на самом слабом огне, варился тот самый «старый навар». И повар, вооруженный проволокой и макальной кистью, снимал с него последние, самые главные пенки.

Гордеев обернулся к Артему.

– Всю информацию по Зиминим. Всех наследников, всех потомков. И срочно найти Виктора Секунова. Если он жив, он следующая цель. Если мертв... значит, мы уже опоздали на одну пенку. И он уже готовит следующую.

Глава 4: Старый навар

Рассвет застал Гордеева в его кабинете на Литейном. Он не спал. Перед ним, пришпиленные к пробковой доске, как страшные иллюстрации к поваренной книге апокалипсиса, висели фотографии: Репнин, Филимонов, снимок из дела 1991 года, архивная справка по Секунову. Красной нитью были протянуты связи: «пенки», «А.З.», «освещение», «старый навар». В центре этой паутины Гордеев нарисовал жирный знак вопроса.

Вера Строганова, получив временный пропуск, дремала, склонив голову на руки, на стуле в углу. На столе перед ней лежали распечатки из архивов, старые адресные книги Петербурга, выписки о гильдии поставщиков императорского двора.

Звонок телефона заставил её вздрогнуть. Гордеев схватил трубку.

– Гордеев.

– Алексей Викторович, это Артем. Нашли Секунова. Виктора Павловича. Жив. Прописан в обычной «хрущевке» на проспекте Ветеранов. Но там он не появлялся лет пять, соседи говорят. Фактически живет в старом деревянном доме в Шувалово, под Питером. Адрес есть. И ещё кое-что. По Зиминим. В дореволюционных списках поставщиков двора фигурирует Аристарх Фаддеевич Зимин, владелец сети гастрономов «Зимин и К^о», личный поставщик великих князей. Умер в 1918 году, по официальным данным – от тифа. Но в некоторых мемуарах есть намёки, что смерть была насильственной. После него осталась вдова и дочь, которые эмигрировали. Дело его было национализировано. И ещё... у Аристарха Зимина был младший брат – Иннокентий. Он не был купцом. Он был... поваром. Причем поваром-виртуозом. Работал в лучших ресторанах Парижа и Вены, но в 1910-х вернулся в Петербург. И следы его теряются как раз после 1918 года. Всё.

– Хорошо. Едем в Шувалово. Собирай группу, но без мигалок. Тихий подход. И прихвати медика, Секунову может понадобится помощь.

Дорога до Шувалово в предрассветной мгле была похожа на путь в иное измерение. Современные кварталы сменились частным сектором, а затем и вовсе начался старый дачный поселок. Деревянные, почерневшие от времени дома с резными наличниками тонули в буйной, неухоженной зелени. Воздух пахнет сырой землей, хвоей и забвением.

Дом Секунова оказался на самой окраине, у края глубокого оврага, заросшего елями. Дом был неказистым, одноэтажным, с покосившейся верандой. В одном окне тускло светился огарок свечи или коптилка. Никаких признаков цивилизации – ни проводов, ни антенны. Казалось, время здесь остановилось где-то в семидесятых.

Гордеев жестом остановил группу оперативников, выдвинувшихся из двух неприметных автомобилей.

– Ждем здесь. Я и Строганова – первые. Артем, ты с нами.

Они осторожно подошли по тропинке, заросшей мхом. Дверь была не заперта – старая щеколда легко поддалась. Гордеев толкнул её, и она со скрипом открылась, впуская их в полу-

мрак сеней. Запах ударил в нос – не бульона, а старости, лекарственных трав, пыли и немытого тела.

– Виктор Павлович? – громко, но без агрессии, произнес Гордеев. – Мы из полиции. Открыто, войдем.

Ответа не последовало. Гордеев шагнул внутрь, осматриваясь. Первая комната была чем-то вроде кухни-столовой. Но это была не кухня в обычном понимании. Посреди комнаты стоял огромный, грубо сколоченный деревянный стол. На нем и вокруг, на полках, стояли десятки, если не сотни, стеклянных банок. В них – сухие грибы, странные корешки, засушенные стебли, какие-то семена. Все было аккуратно подписано выцветшими чернилами: «Дудник, корень, 1975», «Сныть вершковская, 1982», «Белая горчица, с Васильевского, 1990». Это была не кладовая, а гербарий безумного ботаника или... коллекция повара-отшельника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.